

Василий Иванов

Исход

https://litres.ru/74725964
SelfPub; 2026

Аннотация

Шон приходит в себя под холодным светом медицинского сектора. Ему обещают восстановление, но каждое воспоми-нание делает окружающий мир менее надёжным.

Это история о цене спасения, ответственности и праве на ошибку — о возможности оставаться собой, когда кто-то уже решил, каким тебе следует быть.

Содержание

Глава 1. Холодный свет 5
Глава 2. До пробуждения 15
Глава 3. Дом, которого нет 27
Глава 4. Палата 36
Глава 5. День 48
Глава 6. Сектор 4 56
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Василий Иванов
Исход

Аннотация

Шон приходит в себя под холодным светом медицинского сектора. Ему обещают восстановление, но каждое воспоминание делает окружающий мир менее надёжным.

Это история о цене спасения, ответственности и праве на ошибку — о возможности оставаться собой, когда кто-то уже решил, каким тебе следует быть.

Глава 1. Холодный свет

Сначала пришёл холод.

Не боль. Боль появилась позже, когда тело вспомнило, что оно существует и для чего предназначено. Сначала был только холод — ровный, чистый, почти бесцветный. Он лежал на коже, проникал под неё, забирался в суставы и оставался там, как человек, которому некуда торопиться.

Потом появился свет.

Свет был белым, но не больничным. Больничный свет хотя бы пытался казаться полезным: освещал лицо врача, край стола, металлический поднос. Этот свет ничего не освещал. Он просто существовал. Ровный, без теней, без источника.

Человек открыл глаза. И сразу закрыл.

Под веками было темнее, но не спокойнее.

— Не торопитесь, — сказал кто-то.

Голос звучал издалека. Или изнутри.

Человек попробовал ответить, но вместо слов из горла вышел звук, похожий на сдавленный кашель. В груди что-то отозвалось тупым толчком. Справа, под рёбрами, будто застрял кусок железа.

— Хорошо, — сказал голос. — Реакция есть.

Он снова открыл глаза.

Над ним находился потолок. Серый, гладкий, лишённый стыков. В нём не было ламп, но свет шёл отовсюду. Потолок

напоминал поверхность воды, застывшей в тот момент, когда кто-то бросил в неё камень.

От неподвижного взгляда защипало глаза. Он моргнул, и гладкая поверхность на мгновение расплылась.

Человек попытался пошевелить рукой.

Рука не подчинилась.

Он посмотрел на неё. Кисть лежала на белой простыне. Пальцы были длинными, тонкими и слишком неподвижными. Кожа казалась настоящей, но это ничего не доказывало.

Ткань под ладонью собиралась в мелкие жёсткие складки. Одну из них он чувствовал под основанием большого пальца.

Тело выглядело почти совершенным.

Не сильным в привычном смысле и не похожим на тело спортсмена. В нём не было лишнего напряжения, следов старых травм, случайных особенностей, которые обычно запоминаются раньше лица. Пропорции казались выверенными, кожа — слишком ровной, мышцы — будто восстановленными до состояния, в котором они ещё не успели стать частью личной истории.

Казалось, это тело нового человека.

Оно не помнило, где болело раньше. Не знало, какие движения когда-то давались с трудом. Не хранило мелких следов жизни — шрамов, ожогов, привычных отметин. Даже собственные руки казались ему не чужими, а ещё не присвоенными.

Лица он пока не видел.

Но уже чувствовал: его внешность не принадлежит воспоминаниям.

— Где я? — спросил он.

Голос оказался хриплым. Низким. Чужим. Он прислушался к нему, словно услышал впервые.

— Вы в безопасности.

— Где?

— В медицинском секторе.

— Каком?

Ответа не последовало.

Вместо него над лицом склонилась женщина. У неё были короткие тёмные волосы, уставшие глаза и прозрачная пластина перед левым виском. Пластина мигнула, будто женщина моргнула вторым, искусственным глазом.

— Вы помните своё имя?

Человек посмотрел на неё.

Вопрос был простой. Настолько простой, что от него стало страшно.

Имя находилось где-то рядом. Он чувствовал его, как чувствуют слово на кончике языка. Нужно было только повернуть мысль в правильную сторону.

Шон.

Имя возникло мгновенно.

Шон.

Он почти произнёс его, но остановился.

Вместо имени пришло другое воспоминание.

Кухня. Узкое окно. Дождь на стекле. На столе — две чашки, хотя кофе пил только он. Женщина стояла у раковины, завернув волосы в полотенце. Она ругалась на неисправный нагреватель и одновременно улыбалась.

У виска свисал мокрый угол полотенца. Она поправила его тыльной стороной руки.

Лилит.

Имя пришло следом за лицом. Сначала лицо. Потом жест. Потом голос:

— Ты опять всё оставил включённым.

Он знал, что ответил ей. Помнил, как она посмотрела на него, как бросила в него полотенце.

Но самих слов вспомнить не мог.

— Ваше имя? — повторила женщина.

— Шон.

Она ничего не записала. Только посмотрела на прозрачную панель в воздухе.

— Вы уверены?

— Да.

— Хорошо.

Это «хорошо» прозвучало хуже, чем любое другое слово.

Он попытался подняться. В тот же миг тело протестующе содрогнулось. От шеи вниз прошла вспышка боли, будто позвоночник на мгновение заменили электрическим кабелем.

Он закричал.

Женщина удержала его за плечо. Пальцы были тёплыми. Слишком тёплыми.

Под лопаткой натянулась простыня. Он чувствовал её сквозь тонкую ткань одежды.

— Не двигайтесь.

— Где Лилит?

Женщина замерла.

Впервые её лицо изменилось.

— Кто такая Лилит?

— Где она?

— Вам нужно успокоиться.

— Она была здесь?

Женщина посмотрела на кого-то за его спиной. Там, вероятно, находился второй врач или наблюдатель. Человек не видел его, но слышал тихое движение металла.

— У пациента активная ассоциативная связка, — произнесла женщина. — Стабильная.

— Я слышу вас, — сказал он.

— Это хорошо.

— Перестаньте говорить, что это хорошо.

В помещении стало тихо.

Холод усилился.

Он снова увидел кухню. Лилит стояла у окна. На стекле отражалось её лицо, но отражение смотрело не на неё, а прямо на него.

— Ты должен мне поверить, — сказала она.

Он не помнил, когда она произнесла эти слова. Не помнил, был ли тогда дождь и почему её голос звучал так, будто она прощалась.

— Вы знаете, где находитесь? — спросила женщина.

— В медицинском секторе.

— Это не ответ.

— Вы сами это сказали.

Женщина впервые улыбнулась. Не ему. Кому-то за стеклом.

Он повернул голову.

Стекло занимало всю стену. За ним находилось помещение, похожее на лабораторию. Несколько фигур стояли неподвижно. У одной из них в руках был планшет. Другая смотрела на него, не пытаясь скрыть любопытства.

В дальнем углу находилась вертикальная капсула.

Внутри, закреплённый почти вертикально, находился человек.

Или то, что от него осталось.

Лицо было скрыто полупрозрачной маской. Руки лежали вдоль тела. На груди мерцали небольшие датчики. Из капсулы выходили тонкие трубки и провода — слишком многочисленные для обычного лечения.

Он смотрел на капсулу. Внутри что-то шевельнулось — слабое движение пальцев.

Он узнал его.

Не лицо. Не тело. Движение.

Так он сам постукивал пальцами по столу, когда пытался вспомнить забытое слово.

— Кто это? — спросил он.

Никто не ответил.

— Кто там?

Женщина ввела что-то в прозрачную панель.

— Вам нельзя напрягаться.

— Кто там?

— Вам необходимо восстановление.

— Я его знаю.

Женщина подняла голову.

— Кого?

Человек в капсуле открыл глаза.

Расстояние между ними было всего несколько метров. Но лицо оставалось мутным, словно его намеренно размыли.

И всё же он узнал взгляд.

Свой собственный.

На мгновение мир перестал быть цельным. Потолок отделился от стен. Свет стал плоским. Женщина распалась на отдельные движения: поворот головы, сжатие губ, касание панели.

А потом вернулась боль.

Человек закричал.

Где-то за стеной включилась сирена. Не громкая. Тихая, почти вежливая. Такая сирена не предупреждала об опасности. Она сообщала, что опасность уже учтена.

— Зафиксирована дестабилизация, — произнёс голос.

— Я знаю, — ответила женщина.

— Идентификация не завершена.

— Он назвал имя.

— Имя не подтверждено.

Он слышал их, но не мог пошевелиться.

Перед глазами возникло лицо Лилит.

Теперь она не стояла у окна. Она находилась в тёмной комнате и держала его за руку.

— Не отвечай, — сказала она.

— Кому?

— Никому.

— Что происходит?

Лилит посмотрела на него с такой усталостью, будто уже много раз объясняла одно и то же.

— Если спросишь, кто ты, они дадут тебе ответ.

— А кто я?

Она сжала его руку.

— Вот этого им и нельзя позволить.

Свет погас.

На несколько секунд.

Когда он вернулся, капсула за стеклом была пуста.

Глава 1. Холодный свет

Глава 2. До пробуждения

Боль пришла раньше сознания.

Она не была резкой. Резкая боль хотя бы обладает характером: появляется, требует внимания, угрожает. Эта была иной — глубокой, размеренной, почти административной. Она существовала в теле на правах законного владельца и не нуждалась в объяснениях.

Человек лежал неподвижно.

Он знал, что лежит на спине, хотя не чувствовал поверхности под собой. Знал, что руки находятся вдоль тела, хотя пальцы не слушались. Знал, что глаза закрыты, потому что за веками было темно.

Но темнота была ненастоящей.

Где-то в ней мелькали тонкие полосы света. Они двигались слева направо, затем исчезали. Через несколько секунд возвращались. Иногда перед глазами возникали цифры, но он не успевал их прочитать.

3.

Нет.

7.

Нет.

11.

Он попытался удержать одну из них, но цифра рассыпа-

лась на белые точки.

— Реакция сохраняется.

Голос был мужским. Молодым, но уставшим.

— Какова степень восстановления?

— Двигательная — двадцать два процента. Речевая — нестабильна. Память…

Голос замолчал.

— Память?

— Неоднородна.

— Это не медицинский термин.

— Другого здесь нет.

Он хотел открыть глаза, но не смог. Веки будто приклеили. Он попробовал пошевелить правой рукой. В ответ под кожей пробежала дрожь.

— Он слышит.

— Он слышал и раньше.

— Тогда почему не отвечает?

— Он не чувствует необходимости нам отвечать.

Он почти улыбнулся.

Люди часто считали молчание признаком слабости. Иногда молчание было единственным доказательством того, что человек ещё сам распоряжается собой.

Он попытался заговорить.

— Вода.

Слово вышло не сразу. Сначала возник сухой хрип, затем слабое движение воздуха. Но кто-то услышал.

На губах появилось что-то влажное. Вода была холодной и имела металлический привкус.

Он сглотнул с усилием. Влага ещё держалась на нижней губе, а в горле уже снова было сухо.

— Медленно, — сказал мужской голос.

Он открыл глаза.

Над ним находилось лицо. Сначала оно казалось бесформенным, потом приобрело черты: короткие светлые волосы, узкий подбородок, складка между бровями. Мужчина смотрел на него так, как смотрят на неисправный прибор, который жалко выбросить, но неприятно чинить.

— Как вас зовут?

Он молчал.

Он знал ответ.

Имя было внутри, но добраться до него мешало что-то тяжёлое. Словно между ним и памятью поставили стену, а в стене оставили маленькое окно. Через него можно было увидеть прошлое, но нельзя было протянуть руку.

Шон.

Он знал это имя.

Знал, как оно звучит в чужом голосе. Знал, как его произносит Лилит, когда злится. Знал, как выглядит подпись. Знал, что однажды не ответил, когда его звали, и потом всю ночь слушал, как она ходит по комнате.

— Шон, — сказал он.

Мужчина у кровати не изменился в лице.

Но кто-то за пределами его зрения резко втянул воздух.

— Вы уверены? — спросил мужчина.

— Да.

— Назовите полное имя.

Он попытался.

Имя стало длиннее.

Шон…

Дальше ничего не было.

Не забвение. Пустота.

— Фамилия?

— Не помню.

Мужчина сделал запись.

При движении запястья шуршал рукав халата. Шон слышал этот тихий звук отчётливее голоса.

— Хорошо. Не напрягайтесь.

— Где я?

— В медицинском отделении.

— Каком?

Мужчина посмотрел в сторону.

— Вы пережили серьёзную травму.

— Какую?

— Пока рано говорить.

— Я помню выстрел.

В комнате что-то изменилось. Не звук, не свет. Изменилось внимание. До этого его слушали, теперь его начали оценивать.

— Что именно вы помните?

Он посмотрел на потолок.

Сначала возникла дверь.

Потом коридор.

Потом рука, сжимающая оружие.

Он не видел лица нападавшего. Только перчатку. Чёрная ткань, серебристая полоса у запястья. На полосе — знак, похожий на пересечённые линии.

Он стоял у двери и говорил:

— Ты не понимаешь, что уже сделал.

Потом был выстрел.

Странно, но сам звук он не помнил. Помнил только движение воздуха и белую вспышку.

— Я был на улице, — сказал он.

— Где?

— У здания.

— Какого здания?

Он закрыл глаза.

За веками появилась женщина.

Лилит сидела на краю стола и качала ногой. В руках у неё был тонкий металлический цилиндр. Она говорила:

— Если они узнают, что мы нашли, они не станут нас убивать.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Я просто уточняю.

Он вспомнил её улыбку.

Не настоящую улыбку. Ту, которую она использовала, когда уже решила что-то скрыть.

— Я был у лаборатории, — сказал он.

— Какой лаборатории?

— Не знаю.

Мужчина снова сделал запись.

— Вы знаете, кто такая Лилит?

Он открыл глаза.

— Да.

— Кто она?

— Моя жена.

Мужчина посмотрел на него дольше, чем следовало.

— Она приходила к вам?

— Конечно.

— Когда?

— Вчера.

— Вы уверены?

Он хотел ответить, но не смог.

Вчера.

Это слово не имело смысла.

Вчера Лилит была на кухне. Или неделю назад. Или пять лет назад. Она стояла у окна. На ней была тёмная рубашка, которую он когда-то подарил ей, хотя она утверждала, что не любит одежду с чужими инициалами.

Он помнил, как она смеялась.

Но не помнил, где они жили.

Не помнил, сколько лет прожил с ней и почему назвал именно вчерашний день.

— Она приходила? — повторил мужчина.

— Да.

— Кто-нибудь ещё это подтверждает?

— Что?

— Что она приходила.

Он повернул голову.

У дальней стены стоял ещё один человек. Женщина в тёмной форме. Она держала руки за спиной и смотрела не на пациента, а на экран возле его кровати.

— Что с ним? — спросила она.

— Личность стабилизирована частично.

— Я спросила не о личности.

— Тогда уточните вопрос.

Женщина впервые посмотрела ему в глаза.

У неё был спокойный взгляд человека, привыкшего наблюдать за последствиями чужих решений.

— Он помнит проект?

Он услышал слово.

Проект.

Оно вызвало боль.

В памяти вспыхнуло помещение с прозрачными стенами. За стенами стояли люди. Некоторые были похожи друг на друга. Другие казались смутно знакомыми.

Он увидел ряд капсул. Услышал звук насосов. Почувство-

вал запах озона и горячего металла.

Потом увидел Лилит.

Она стояла рядом с терминалом. На её лице не было привычной усталости. Только страх.

— Ты не должен был это видеть, — сказала она.

— Что?

— Не здесь.

— Лилит.

— Если ты вспомнишь всё сразу, они найдут тебя.

— Кто?

Она посмотрела за его плечо.

Там стоял Шон.

Человек внутри воспоминания.

Он увидел себя со стороны.

И проснулся.

На этот раз глаза открылись без усилия.

Комната была другой. Потолок — ниже. Свет — желтоватый. Рядом стоял стол с пластиковым стаканом и прибором, похожим на старый монитор.

Край стола был затёрт; на нём тускло отражался ободок стакана.

Мужчина в белом халате исчез.

Женщина в форме тоже.

Остался только молодой врач.

— Вы возвращаетесь, — сказал он.

— Где я?

— В палате восстановления.

— Сколько прошло?

Врач посмотрел на экран.

— Девять дней.

Он попытался пошевелить рукой. На запястье была повязка. Под ней что-то мерцало.

— Я был без сознания?

— Не совсем.

— Что это значит?

— Вы были в нестабильном состоянии.

— Где Лилит?

Врач не ответил.

Он посмотрел на врача.

— Где она?

— Я не знаю.

— Вы все говорите так, будто это нормальный ответ.

— В этом отделении он считается нормальным.

За дверью кто-то прошёл. Шаги остановились.

Прозвучал приглушённый голос:

— Шон ещё жив?

Врач повернулся к двери.

На секунду его лицо стало пустым.

Потом он закрыл жалюзи.

Пластинки сухо щёлкнули одна о другую, отрезая полосы света.

— О каком Шоне они говорят? — спросил он.

Врач ответил не сразу.
— Вам нужно отдыхать.
— О каком Шоне?
За дверью шаги удалились.
Врач снял перчатки, хотя не касался пациента.
— Отдыхайте.
— Я уже знаю это слово.
— Тогда вам будет легче последовать совету.
Врач ушёл.
Он остался один.
На экране возле кровати появилась строка:
СОСТОЯНИЕ: ДОПУСТИМОЕ
ЛИЧНОСТНАЯ СВЯЗНОСТЬ: 41 %
ВНЕШНИЕ АССОЦИАЦИИ: АКТИВНЫ
ИМЯ: НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО
Ниже мигнуло другое сообщение:
ПОЛ: .....ЕТ ПРОБУЖДЕНИЯ
Он прочитал его дважды.
Затем экран погас.

Глава 2. До пробуждения

Глава 3. Дом, которого нет

Пол проснулся до сигнала.

Он всегда просыпался за несколько минут до сигнала, хотя никто не мог объяснить почему. Система утверждала, что это свидетельствует о стабильном циркадном цикле. Врач говорил, что организм привыкает к расписанию.

Он считал, что организм здесь ни при чём.

Он просто знал, когда его будут будить.

Комната была тёмной. За окном шёл дождь, но капель не было слышно. В этом доме дождь всегда шёл без звука, но его прохлада словно ощущалась на коже.

Он лежал и смотрел в потолок.

Потолок был белым. Без трещин. Без пятен. Без следов ремонта.

Лилит говорила, что хороший потолок не должен привлекать внимания.

Он помнил, как она однажды сказала это, стоя на стремянке с кистью в руке. На её щеке была белая краска, а на полу лежала газета с датой, которую он не запомнил.

— Ты опять смотришь на потолок, — сказала она тогда.

— Он некрасивый.

— Это потолок. Он не обязан быть красивым.

— У тебя странные требования к вещам.

— У меня нормальные требования. Странные у тебя.

Она улыбнулась.

Он улыбнулся в ответ.

Воспоминание было совершенным. Именно поэтому оно ему не нравилось.

Он сел на кровати.

Матрас подался под его весом; ступни ещё не касались пола.

В комнате стояла тишина. На соседней половине постели простыня была ровной. Лилит не спала рядом уже неизвестно сколько времени.

Он посмотрел на часы.

07:10.

Система должна была включиться в 07:15.

Он встал и подошёл к окну.

За стеклом находился город. Серый, влажный, неподвижный. Машины двигались по улице, но расстояние скрывало их звуки. Люди шли по тротуарам. Один мужчина остановился возле дерева, поднял голову и посмотрел прямо на окно.

Он отступил.

Мужчина продолжил путь.

— Ты опять не спал, — сказала Лилит.

Он обернулся.

Она стояла у двери в спальню. Волосы были собраны на затылке. На ней была тёмная рубашка и брюки. Она выглядела так, как всегда выглядела по утрам, если не считать то-

го, что он не помнил ни одного утра, когда она действительно просыпалась рядом.

— Ты давно здесь? — спросил он.

— Достаточно.

— Почему я не слышал, как ты вошла?

— Потому что ты думал.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Она подошла к окну и посмотрела на город.

— Дождь идёт, — сказала она.

— Я вижу.

— Нет. Ты видишь стекло.

Он ничего не ответил.

Лилит коснулась пальцами окна. На поверхности не осталось следа.

— Сегодня ты пойдёшь в лабораторию?

— Да.

— Зачем?

— У меня пропуск.

— Это не причина.

— Мне нужно узнать, почему его выдали.

— Ты пять лет пытаешься попасть туда и до сих пор не знаешь?

— Я знаю, что мне не дают войти.

— Это не то же самое.

Он посмотрел на неё.

— Ты хочешь, чтобы я не ходил?

— Я хочу, чтобы ты помнил, зачем идёшь.

— Я и так помню.

— Нет.

Она сказала это спокойно.

Без обвинения. Без жалости.

От этого стало хуже.

Он отвернулся.

На кухне две чашки стояли рядом. Одна была пустой. В другой находилась тёмная жидкость, похожая на кофе. Он не видел, как Лилит её приготовила.

Он задержался у входа в кухню. Тусклый свет из окна лежал на столе ровным прямоугольником.

— Ты не пьёшь кофе, — сказал он.

— Сегодня пью.

— Ты всегда говорила, что он пахнет горелыми проводами.

— Значит, сегодня мне захотелось горелых проводов.

Он взял чашку.

Керамика была тёплой. На внутреннем краю виднелся след губной помады. Тёмной, почти чёрной.

Лилит никогда не пользовалась помадой.

Он поставил чашку обратно.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ты лжёшь.

— Разумеется.

Она сказала это так просто, что он не сразу понял смысл.

Лилит села за стол.

Ножки стула коротко скользнули по полу. Лилит опустила руки на колени.

— Ты помнишь, как мы познакомились?

Он сел напротив.

— В университете.

— На каком факультете?

— На инженерном.

— Ты не учился на инженерном.

— Тогда на биотехнологическом.

— Ты и там не учился.

Внутри поднималось раздражение.

— Ты сама спрашиваешь.

— Да.

— Тогда не перебивай.

— Я не перебиваю. Я проверяю.

— Что?

— Насколько далеко заходит воспоминание.

Он посмотрел на неё.

На мгновение её лицо изменилось. Не внешне. В нём появилась чужая глубина, словно за глазами открылась ещё одна комната.

— Ты участвовала в эксперименте? — спросил он.

Лилит не ответила.

— В каком эксперименте? — повторил он.

— Ты плохо себя чувствуешь?

— Я спросил.

— Тогда ответь себе сам.

— Я не могу.

— Именно поэтому я рядом.

Эта фраза показалась ему знакомой. Он уже слышал её — не от Лилит, от кого-то другого.

В памяти возник мужчина у стеклянной стены.

— Я рядом, — сказал тот мужчина.

Лица вспомнить не удалось.

— Что ты знаешь о Шоне? — спросил он.

Лилит встала.

— Ничего.

— Ты слишком быстро ответила.

— А ты слишком поздно спросил.

Она направилась к двери.

— Лилит.

Она остановилась.

— Если я не Шон, то кто я?

В комнате стало очень тихо.

За окном мужчина снова остановился возле дерева.

На этот раз он не поднял голову.

Лилит стояла к нему спиной.

— Ты Пол.

— Я знаю.

— Нет. Ты знаешь только слово.

— Тогда скажи, что оно означает.

Она обернулась.

— Пока ничего.

После её ухода он долго сидел за столом.

На поверхности чашки, там, где остался след помады, проступила тонкая трещина.

Он провёл по ней пальцем.

Керамика была холодной.

Глава 3. Дом, которого нет

Глава 4. Палата

Шон впервые встал на десятый день.

Не потому, что врачи разрешили. Разрешение подразумевало бы выбор, а выбора в палате не было. Имелся распорядок, набор процедур и голос из потолочного динамика, сообщавший, когда следует отдыхать, принимать лекарства и не задавать вопросов, на которые нет утверждённой формы ответа.

Он просто решил, что если останется лежать ещё дольше, тело сочтёт это своей настоящей функцией.

Он свесил ноги с кровати.

Пол оказался холодным. Не неприятно холодным, а безразлично холодным, как поверхность, которой всё равно, кто на неё наступил.

Первый шаг вышел коротким. На втором дрогнуло левое колено. Третий закончился ударом плеча о стену.

Шероховатость стены зацепила ткань рукава. Он упёрся в неё ладонью и переждал, пока перестанет подкашиваться нога.

— Не торопитесь, — сказал голос из коридора.

В дверях стоял худой старик с седыми волосами. Лицо казалось знакомым, но память отказывалась признавать знакомство. Это раздражало сильнее боли.

— Я не торопился, — ответил он.

— Тогда вы плохо рассчитали скорость.

— Вы врач?

— Нет.

— Тогда не разговаривайте со мной как врач.

— Врачи обычно сначала представляются.

Старик вошёл в палату и остановился в двух шагах от кровати. Он не предложил помощи. Это понравилось больше, чем забота персонала.

— Вы пришли за мной присматривать?

— Можно и так сказать.

— Кто вас попросил?

— Люди, которым вы не нравитесь.

— А если я им нравлюсь?

— Тогда они бы прислали кого-нибудь моложе.

Он снова выпрямился. Мышцы дрожали, однако удерживали тело. Перед глазами плавали мутные круги. В них проступали обрывки прошлого.

Стол. Терминал. Рука с карандашом. Пятно кофе на документе.

Потом всё исчезало.

— Я вас знаю, — сказал он.

— Такое случается.

— Вы были в лаборатории.

— В какой?

Вопрос попал точно в пустое место.

Он видел помещение с прозрачными стенами. Видел длинный коридор и ряды закрытых дверей. Под потолком горели зелёные индикаторы. За одной из стен работал прибор, который не должен был работать.

Но названия здания он не помнил.

— Я видел вас там, — сказал он.

— В воспоминании?

— В жизни.

— Разница существенная.

— Для кого?

— Для того, кто ещё пытается их различать.

Старик посмотрел на его левую руку.

— Что вы помните о лаборатории?

Внутри головы возник резкий всплеск.

Не образ — сначала боль.

Потом звук.

Тонкий металлический писк, повторяющийся через равные промежутки. Запах перегретого пластика. Белые перчатки на руках. Экран с графиком, который резко уходил вниз.

Кто-то сказал:

— Отключите подачу.

Другой голос ответил:

— Если отключим, потеряем образец.

Перед глазами возникла собственная рука над панелью.

Он нажал кнопку.

Что-то за стеклом упало.

— Я проводил испытания, — произнёс он.

— Какие?

— Оборудования.

— Какого?

— Научного.

Старик едва заметно улыбнулся.

— Очень точный ответ.

— Я не обязан вам отчитываться.

— Пока нет.

В дверь постучали.

Старик повернул голову, но не ответил. Через несколько секунд дверь открылась. Вошла медсестра с прозрачным планшетом.

— Пора на восстановительную процедуру.

— Я могу идти сам.

— Это не входит в протокол.

— А что входит?

— Перемещение пациента с поддержкой.

— Я не пациент.

Медсестра посмотрела на планшет.

— В документах указано другое.

— В документах много чего указано.

— Именно поэтому их читают, а не обсуждают.

Он взглянул на экран в её руках. Там мелькнули строки:

Функциональное восстановление: 38 %.

Когнитивная связность: нестабильна.

Доступ к исследовательским материалам: временно ограничен.

Ниже была ещё одна строка, закрытая серым полем.

Он успел увидеть только первые буквы:

Соавтор…

Планшет исчез из поля зрения.

— Я хочу получить доступ к своим исследованиям, — сказал он.

Медсестра не изменилась в лице.

— После завершения восстановления.

— Я руководил частью проекта.

— В документах это указано.

— Тогда почему меня не допускают?

— По медицинским причинам.

— Каким именно?

— Вам необходимо восстановиться перед началом работы.

— Я не просил начинать работу.

— Руководство просило.

Эта фраза отозвалась в памяти.

Кабинет без окон.

Стол, покрытый матовым стеклом.

Человек напротив, лица которого не было видно из-за света.

— Вы вернётесь к исследованиям, — говорил он. — Компания не может позволить себе остановиться.

— Компания может позволить себе остановиться. Она просто не хочет.

— Не играйте словами.

— Я не играю.

— Вы участвовали в создании системы.

— Я участвовал в создании оборудования.

— Разница между этими вещами существует только в отчётах.

Он моргнул.

Палата вернулась.

Старик стоял у окна. За стеклом шёл дождь. Капель не было слышно, но кожа на руках покрылась мурашками, будто в помещении стало влажно.

— Вы что-то вспомнили? — спросил старик.

— Да.

— Что?

— Что мне не следует вам отвечать.

— Это полезное воспоминание.

Медсестра взяла его под локоть.

На этот раз он не сопротивлялся.

В коридоре стены были покрыты панелями светло-серого цвета. На каждой панели находилась маленькая эмблема компании. Такая же эмблема стояла на пропуске, который висел у медсестры на груди.

Подошвы медсестры мягко поскрипывали. Он подстраивал шаг под этот звук, чтобы не опираться на неё всем весом.

Он остановился.

Линии эмблемы пересекались под острым углом.

Он уже видел этот знак — на перчатке человека, который стрелял.

— Вам знаком символ? — спросила медсестра.

— Нет.

Ответ вышел слишком быстро.

Женщина посмотрела на него, но ничего не сказала.

Восстановительная процедура проходила в отдельной комнате. Там не было сложного оборудования, только кресло, сенсорная дуга и экран с инструкциями.

Он сел.

Обивка тихо скрипнула. Ладони легли на узкие подлокотники; он разжал пальцы, прежде чем посмотреть на экран.

— Что именно вы будете проверять?

— Координацию.

— А память?

— Память не проверяют.

— Почему?

— Она сама проявляется.

На виски легли холодные контакты.

Перед глазами появился серый круг.

— Следите за изображениями, — сказал голос системы.

Круг сменился квадратом.

Квадрат — треугольником.

Треугольник — фотографией.

На фотографии стоял письменный стол. На нём лежали бумаги, ручка, маленький металлический цилиндр и рамка с изображением женщины.

Лицо было почти неразличимым.

Он не мог разглядеть, кто она.

Но пальцы сжались.

Система зафиксировала реакцию.

— Продолжайте, — сказал голос.

Фотография исчезла.

Появилась рукопись.

Первая страница содержала несколько формул и заголовок:

«Модель устойчивого нейронного переноса при длительном сохранении»

Внизу стояли две подписи.

Первая была размашистой и знакомой.

Вторая принадлежала человеку с аккуратным, почти школьным почерком.

Под ней значилось имя:

Пол.

Он моргнул.

Контакты на висках отключились.

— Что это было?

Ответа не последовало.

На экране появилось сообщение:

РЕАКЦИЯ НА СТИМУЛ ПРЕВЫШАЕТ ДОПУСТИМЫЙ

УРОВЕНЬ.

Шон поднялся с кресла.

— Покажите мне запись.

Медсестра вошла в комнату.

— Процедура окончена.

— Кто такой Пол?

Женщина посмотрела на него.

Слишком долго.

— Вам необходимо восстановиться.

— Я это уже слышал.

— Тогда вы должны понимать.

— Я понимаю, что вы меня ограничиваете.

— Временное ограничение доступа необходимо для успеха программы.

— Какой программы?

Медсестра взяла планшет.

— Исследовательской.

— Какой?

— Той, которой вы посвятили большую часть жизни.

Шон хотел спросить ещё, но в глазах снова вспыхнул белый свет.

На этот раз вместе с ним пришла боль.

Он увидел лабораторию.

Не ту, где проходили процедуры. Другую. Шире, выше, заполненную аппаратурой и прозрачными контейнерами. На столе лежала рукопись.

Рядом стоял человек, которого Шон не знал.

Молодой, худой, с необычным рисунком радужки — тонкими тёмными кольцами вокруг зрачков.

Человек держал перо.

— Это нужно подписать, — сказал он.

— Ты не участвовал в разработке.

— Но участвовал в расчётах.

— Расчёты не делают тебя автором.

— Иногда именно они и делают.

Шон увидел подпись.

Пол.

Затем лицо исчезло.

Осталась только боль.

Глава 4. Палата

Глава 5. День

После выписки Шону предоставили квартиру в жилом секторе для сотрудников, которые временно не могли вернуться к прежнему месту проживания.

Квартира была чистой, тихой и безличной.

В ней имелись кровать, стол, два стула, кухонный блок, шкаф и экран, встроенный в стену. Никаких фотографий. Никаких книг. Даже посуды было ровно столько, сколько требовалось одному человеку.

Он заглянул в шкаф. Там пахло сухой древесиной; дверцу он оставил приоткрытой.

На столе лежал конверт. Внутри находились документы, пропуск и записка.

Вам разрешено выполнять административные обязанности до окончания восстановительного периода. Исследовательская деятельность временно приостановлена.

Ниже стояла подпись руководителя отдела.

Он перечитал записку трижды.

Административные обязанности.

Он был научным сотрудником, руководителем направления или одним из авторов проекта, который теперь от него скрывали. По крайней мере, так утверждала память. Документы закрепляли за ним совсем другую работу.

В девять утра он пришёл в архивный отдел.

Кабинет находился в старой части комплекса, далеко от лабораторных помещений. Здесь не было прозрачных стен, медицинских панелей и оборудования, способного разрушить человека за несколько секунд. Были столы, шкафы, бумага и сотрудники, которые разговаривали негромко, потому что громкий голос мешал системе распознавания речи.

Ему выдали рабочее место у окна.

Стул чуть качнулся под ним. Шон придвинул его к столу и выпрямился.

— Ваша задача — сверка карточек оборудования, — сказала женщина из отдела кадров. — Названия, даты обслуживания, подписи ответственных лиц.

— Почему я?

— Потому что вы временно ограничены в доступе.

— То есть мне поручили работу, не связанную с моей квалификацией.

— Это временно.

— Всё здесь временно?

Женщина посмотрела на него без раздражения.

— В вашем случае — да.

На экране открылась первая карточка.

Модуль биосенсорного контроля.

Дата испытания: 14.08.

Ответственный: Шон Рейд.

Техническое сопровождение: П.

Он задержал взгляд на последней строке.

— Что означает «П.»?

— Сокращение имени.

— Какого?

— Вам нужно сверить карточку, а не устанавливать родословную оборудования.

Он перевёл взгляд на следующий документ. В нём встречалась та же буква. Потом ещё раз.

П.

Работа продолжалась до обеда.

Он сверял номера, находил несовпадения, исправлял даты. Это было бессмысленно, но не настолько, чтобы вызывать тревогу. В этом и состояла сила подобной работы: она отнимала день небольшими кусками, не оставляя места для вопросов.

В три часа экран показал ошибку.

Один из документов не открывался.

Он ввёл служебный код, который неожиданно вспомнил.

Доступ разрешён.

Перед ним появилась рукопись.

Скан самого оригинала, с видимыми сгибами бумаги. Лист был исписан формулами, исправлениями и короткими замечаниями на полях.

Внизу стояли две подписи.

Первая — его.

Он узнал её сразу.

Вторая была выполнена аккуратными буквами.

Пол.

Он приблизил изображение.

Почерк совпадал с тем, что он видел во вспышке воспоминания.

В правом глазу появилась слабая боль.

Сенсорная дуга. Серый круг. Чужое лицо. Тёмные кольца радужки.

Он откинулся в кресле.

— Всё в порядке? — спросил соседний сотрудник.

— Да.

— Вы побледнели.

— Это восстановление.

— Тогда вам лучше уйти.

— Мне разрешено работать.

— Разрешено не значит необходимо.

Он снова посмотрел на документ.

В нижней части страницы имелась дата. Она предшествовала первому официальному упоминанию его участия в проекте.

Рядом с подписью Пола стояла короткая приписка:

Проверить совместимость образца до запуска. Не доверять автоматической оценке.

Он не помнил, чтобы когда-либо писал это.

Но почерк был его.

Он закрыл файл.

На экране снова появилась карточка оборудования.

Статус: неисправность не подтверждена.

Он открыл журнал испытаний.

Запись от того же числа:

Отклонений не выявлено. Все показатели в пределах нормы.

Он смотрел на две строки. Обе уверяли, что тревожиться не о чем. Ни слова о совместимости. Ни следа предупреждения на рукописи.

Что именно проверяли — и что предпочли не заметить?

Вечером в квартире он нашёл в кармане старого пиджака сложенную бумажную карточку.

Он расправил карточку большим пальцем. Бумага обмякла на сгибе и плохо удерживала прежнюю форму.

На ней была фотография женщины.

Лицо почти скрывала тень. Волосы собраны, взгляд направлен куда-то за пределы кадра.

На обороте не было подписи.

Только дата.

Он не стал рассматривать снимок.

Он положил его в ящик стола и включил экран.

На панели ожидало новое сообщение:

В связи с восстановлением доступа к архивным материалам вам необходимо пройти дополнительную процедуру идентификации.

Ниже указывалось место.

Лабораторный сектор 4.

Он прочитал сообщение.

Потом выключил экран.

Через несколько секунд экран включился снова.

Внизу появилась строка:

Допуск возможен только после подтверждения биометрического соответствия.

Глава 5. День

Глава 6. Сектор 4

Лабораторный сектор находился не в том здании, которое Шон помнил.

Он ожидал увидеть широкие коридоры, прозрачные стены и ряды аппаратуры. Память сохранила внутренние помещения, но ничего не говорила о том, что окружало их снаружи. Будто работа всегда начиналась сразу за дверью, а путь к ней был лишней частью жизни, которую можно было не сохранять.

Адрес на пропуске привёл его к старой части комплекса.

Здание занимало целый квартал.

Сначала из утреннего тумана выступили башни — две узкие, неодинаковой высоты, с крутыми кровлями и потемневшими металлическими шпилями. Затем проступил фасад из тёмно-красного кирпича. По нему поднимались водосточные трубы, пересекали стены каменные пояса, тянулись ряды высоких окон. На верхних этажах окна были узкими, почти церковными. Внизу — широкими, разделёнными тяжёлыми переплётами.

Над главным входом находились часы.

Стрелки стояли на восьми семнадцати.

На запястье было восемь двадцать девять.

Он посмотрел ещё раз. Секундной стрелки у часов не ока-

залось.

Здание принадлежало времени, когда учреждения старались выглядеть вечными. Кирпич, камень, чугун, медь — всё здесь было рассчитано на вес, на сопротивление погоде, на медленное старение. В современных жилых корпусах стены можно было разобрать, переставить и собрать заново. Здесь даже закрытое окно казалось окончательным решением.

Викторианский фасад сохранили почти полностью. Между водосточными трубами оставались каменные лица с открытыми ртами; из некоторых торчали небольшие камеры. Над окнами располагались растительные узоры. Листья были вырезаны так подробно, что на них задерживалась грязь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.